

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 22.00.04;22.00.05

О. В. Епархина

Моделирование коррупции

Существующие экономические модели коррупции, описывая основные типы и параметры коррупционного взаимодействия, могут лишь частично использоваться при проведении социологического анализа коррупционных проявлений, поскольку воспроизводят условия рынка коррупционных услуг, но не представляют операционализированных понятий для описания социальной составляющей процесса коррупционного взаимодействия. В статье приведен краткий обзор и анализ моделей, обладающих потенциалом для социологического анализа коррупции.

Ключевые слова: коррупция, модель, социология коррупции.

O. V. Eparkhina

Simulation of Corruption

The models of corruption in economy describe the main types and parameters of corruption, but it's possible to use them only partly in a sociological research of corruption. These models suggest some conditions of the corruption market, but never complete sociological concepts. This article contains a brief survey and analysis of potential models for the sociological research of corruption.

Keywords: corruption, a model, sociology of corruption.

В западной научной литературе коррупция изучается с позиций трех основных подходов: экономического, социально-антропологического и социокультурного, на основе которых строятся математические модели этого явления.

В основном они выполняются в рамках **экономического подхода**, методологической базой которого являются классические работы **С. Роуз-Аккерман** [1, с. 238], анализирующие коррупцию при одном бюрократе (исполнителе) и конкурирующих за государственный контракт субъектах (клиентах). С. Роуз-Аккерман рассматривает коррупцию как экономическое поведение в условиях риска, связанного с совершением преступления и возможным наказанием за него.

В ранних работах С. Роуз-Аккерман [2] рассматриваются внешние субъекты, стремящиеся подкупить чиновника (монополиста). И тот и другой несут риски наказания за эти действия, и суть модели – просчитать поведение рискующих субъектов в различных ситуациях. Различия условий предполагают, что продукт взятокдателей может быть равноценным (по цене, качеству и пр.) или различаться, равно как и предпочтения «заказчика» могут быть сформированными или несформированными. Дополнительными факторами модели являются рыночная специфика

страны и система формирования государственно-го заказа в конкретной стране.

Суть модели состоит в том, что при наличии развитого рынка товар может быть продан другому реципиенту (не монополисту), тогда вероятность коррупции снижается. В противном случае чаще всего используются закрытая схема торгов, в рамках которой возможна продажа товара по меньшей цене или подкуп монополиста. Взятка наиболее вероятна в случае, если предлагаемые товары равноценны. В этом случае будут актуальны следующие параметры:

- размеры взятки;
- цена товара;
- количество товара, необходимое для монополиста;
- штраф монополиста;
- нематериальные издержки монополиста;
- штраф продавца;
- издержки продавца;
- нематериальные издержки продавца.

Через них рассчитывается оптимальная величина взятки путем выявления ее допустимых областей для продавца и монополиста. Размеры максимальной взятки, которую фирма готова заплатить, зависят от издержек производства, а также от того, насколько четко определен монополист в своих предпочтениях качества – в

Таблица 1

Типы коррумпированных государственных систем
(по С. Роуз-Аккерман) [4]

Получатели взяток	Многочисленные взяткодатели	Немногочисленные взяткодатели
Высшие эшелоны власти	Клептократия: – государство-вымогатель; – слабое государство	Двусторонняя монополия
Низшие эшелоны власти	Конкурентное взяточничество с потенциалом спиралевидного роста	Мафиозное государство

последнем случае это повысит активность субъекта по предложению взятки, а монополист выберет субъекта, максимизирующего его прибыль.

Такого рода модели дают возможность установить количественные параметры, которые необходимо исследовать в целях борьбы с коррупцией. К ним относятся:

– характер издержек участников коррупционной сделки и их величина (величина риска) и нормативная укорененность этих рисков;

– характер издержек общества, их величина, прогноз последствий коррупции.

Модель позволяет сделать и ряд качественных выводов, например о том, что коррупция поощряется или ограничивается системой отношений между государством и частным сектором.

Основными путями борьбы с коррупцией в рамках такой модели становятся прозрачные правила игры на рынке госзаказов, создание государственной структуры, которая должна отследить нечетко формулируемый заказ, создание системы наказаний для участников коррупционных сделок, степень тяжести которого зависит от прибыли фирмы, вероятности обнаружения нарушения законов, уровня формализации требований к заказу.

В модели показано также, что потенциальные коррупционеры должны быть более эффективными, чем те, которые максимизируют прибыль в некоррумпированной экономике, чтобы иметь возможность заплатить достаточно высокую взятку. Более того, для победы над конкурентами субъект должен обладать рядом специфических черт – сокращать свои моральные издержки, усиливать политическое влияние, делающее тяжелое наказание маловероятным и одновременно уменьшающее вероятность обнаружения его участия в коррупционной деятельности.

В более поздних работах С. Роуз-Аккерман [4], рассматривая коррупцию как политическую проблему, то есть проблему рынка в дисфункциональной политической системе, и сокращая собственно математический компонент модели, переходит к описанию четырех основных моделей коррумпированного рынка: клептократии (это единственная модель, в которой коррупция сконцентрирована на самом вершине государственной пирамиды; в иных моделях взятки концентрируются на низовых ступенях чиновничества), двусторонней монополии, мафиозного государства и конкурентного взяточничества, представленных в Таблице 1.

Для описания этих систем также возможно построение математических моделей на основании параметров, указанных в ранних работах.

В той же работе С. Роуз-Аккерман указывает и на культурный аспект проблемы (культура дарения в примитивных обществах), и на экономический аспект (взятка как экономический стимул для бюрократа, как способ снижения издержек). Не вводя соответствующих параметров в модель, она, однако, приходит к выводу, что реформы, резко изменяющие систему стимулов (то есть снижающие выгоды и повышающие издержки злоупотреблений), способны снизить коррупцию до приемлемых масштабов [4]. К ним относят сокращение государственных программ, приватизацию, административные реформы, реорганизацию системы госзаказа и антикоррупционное законодательство.

Для большинства других работ в рамках этого подхода характерно использование классической для западных исследований модели *principal – agent – model*. Такая модель позволяет анализировать отношения между исполнителем и клиентом в условиях различного распределения ресурсов, а также вмешательства в процесс государства как поставщика «правил игры» [5]. Возможно несколько ракурсов изучения проблемы.

1. Структурные модели, описывающие взаимодействия участников коррупционных сделок

Взаимодействие участников коррупции осуществляется в рамках единой структуры, предполагающей определенную организацию информации, правил принятия решений, иерархию контроля над группой исполнителей. Цель такой структуры – максимизация прибыли. В такой иерархии существует промежуточное звено «контролеров», и взятки распределяются и передаются от исполнителей более низкого уровня исполнителям более высокого уровня. Таковы, напри-

мер, работы А. Хиллмана и Е. Катца, рассматривающих общественные издержки, получаемые в результате «раскрадывания» взятки, в результате конкуренции вокруг позиции клиента и каждой позиции исполнителя (государство стремится минимизировать общественные издержки, а исполнители могут быть различные), работы Ф. Кофмана и Дж. Лавари, М. Бека, С. Бхатачарья и А. Мишра, А. Ламберт-Могилански, А. П. Михайлова, Т. Е. Олсена и Дж. Торсвика, Дж. Хендрикса, М. Кина и А. Муттио.

2. Системные модели, рассматривающие динамику коррумпированной системы, ее устойчивость, циклы развития и пр.

Примером является модель Ф. Т. Луи, показывающая, почему схожие экономики имеют разные уровни коррупции. Автор показывает распределение ресурсов с механизмом «живой» очереди. Время, непродуктивно затрачиваемое на ожидание в очереди, можно сократить, купив за взятку право пройти вне очереди, причем чем больше взятка, тем меньше время ожидания. Такой механизм может приводить к повышению эффективности распределения. Другой пример таких моделей показан в работе Дж. Фейхтингера и Ф. Уирла, которые изучают, как фазы борьбы против политической коррупции сменяются периодами ее общественного принятия. Дж. Тиролем была проанализирована значимость коллективной репутации при воспроизводстве коррупционных паттернов. В работе К. Бичиери и К. Ровелли показано, как эволюция коррупции в экономике может самопроизвольно привести к своеобразной «революции честности», в результате которой социальная система меняет ключевые характеристики. В работе К. Блисса и Р. Ди Телла изучается следующий факт: в странах, повысивших уровень конкуренции в экономике, иногда происходит подъем коррупции, то есть вслед за ростом конкуренции не обязательно следует сокращение коррупции. Сложность изучения влияния конкуренции на уровень коррупции состоит в том, что конкуренция не обязательно является экзогенным параметром, который можно менять в модели, чтобы проследить, каким образом он влияет на уровень коррупции. Коррупция, в свою очередь, также влияет на уровень конкуренции. В модели и равновесное число фирм, и уровень коррупции определяются другими параметрами.

К этому же направлению можно отнести работы А. Антоци и П. Л. Сакко, О. Кадот.

3. Отраслевые модели коррупции

Наиболее исследована проблема политической коррупции, ей посвящены работы Л. Дадли и К. Монтмаркетти, Э. Расмусена и Дж. М. Рамсейера, А. Шлейфера и Р. У. Вишни, Р. Б. Майерсона.

В работе Р. Майерсона, например, сравниваются системы голосования с точки зрения оптимизации правительственной коррупции с помощью игрового анализа. Выводом такого исследования явился тот факт, что голосование большинством является лишь отчасти эффективным в том смысле, что всегда существует некое равновесие, в котором члены коррумпированных партий исключены из правительства.

В работе А. Шлейфера и Р. У. Вишни [7] исследуются проблемы, схожие с рассматривавшимися в работах С. Роуз-Аккерман, – возможность изъятия у государства благ, которые распределяет монополист в лице государственного служащего, взаимосвязь структуры политических, экономических институтов и уровня коррупционной активности. Коррупция определяется ими как продажа государственным служащим государственной собственности в частных целях. Рассматриваются такие условия, как максимизация взятки со стороны чиновника, уровень конкуренции внутри среды исполнителей и клиентов, уровень монополизации рынка чиновником. Чем выше конкуренция между поставщиками за получение взятки, тем меньше размер взятки. При этом он может компенсироваться максимизацией объема взятки. Ими рассмотрены причины негативных последствий коррупции. Они заключаются в слабости правительства, которая позволяет различным государственным агентствам и аппарату чиновников независимо собирать взятки; искажениях, вызванных необходимостью держать коррупцию в секрете. Требование секретности может сместить инвестиции в стране от наиболее выгодных проектов (в здравоохранении, образовании) в сторону потенциально бесполезных проектов (оборона, невостребованная инфраструктура), если последние обеспечивают лучшие условия для сокрытия коррупции [5]. Таким образом, экономическая и политическая конкуренция может уменьшить уровень коррупции и ее неблагоприятные последствия.

Вторым направлением моделирования коррупции является **социально-антропологическое**, представленное работами Т. Сиссенер, О. де Сардан, Г. Андерса, Дж. Скотта и пр. Применяя этот подход, исследователь открыт для по-

ля новых данных, он стремится понять точку зрения участника коррупционной ситуации и смотреть на коррупцию с точки зрения нормативности данной ситуации для конкретной культурной среды.

Исследователь в рамках такого подхода отказывается от универсалистских взглядов на социальные, культурные или экономические явления, предпочитая использовать присущие конкретному обществу интерпретации этих явлений. Такой подход очень эффективно реализуется при исследовании коррупционных проявлений в западных обществах, поскольку западная точка зрения на коррупцию разрабатывалась с учетом веберовской концепции бюрократии как рационального явления. Речь в западных обществах идет скорее не о «коррупции», а о различных, весьма многочисленных «коррупциях», нуждающихся в том числе и в эмпирическом описа-

нии, а также о многочисленных «логиках» коррупционного поведения населения и чиновников, способствующих рутинизации этого поведения в повседневных практиках.

Понятие коррупции рассматривается как своеобразный заложник «коррупционного дискурса»: при частом обсуждении проблем коррупции население начинает воспринимать его определенным образом, понятие приобретает идеологизированный контекст и утрачивает формат социального факта, в силу чего становится невозможным разработка этого понятия с позитивистских позиций. Формирующийся «антикоррупционизм» становится своеобразной мировой идеологией, напоминающей «магические практики в традиционных обществах», что отчасти возможно благодаря бинарности ловушки «коррупция-антикоррупция».

Таблица 2

Классификация групп и способов их участия в политической системе слаборазвитых стран по Дж. Скотту

В целом имеют формальный доступ к политической системе	Группы, использующие коррупцию с силу того, что лишены формальных каналов по следующим причинам		
	Идеологические мотивы	Местнические мотивы	Отсутствие организаций
Политическая элита	Местные коммерческие индустриальные группы	Этнические и религиозные меньшинства	Неорганизованные сельские жители
Кадры правящей партии	Иностранный бизнес		Неорганизованные нижние городские слои
Ассоциации госслужащих	Политическая оппозиция		
Профессиональные ассоциации			
Профсоюзы			

Таблица 3

Варианты моделей коррупции, обусловленные характеристиками политической системы

	Выборная соревновательность	Незначительная и отсутствующая выборная соревновательность
Политическая элита стабильна и сплочена	Умеренная коррупция, высоко организована и предсказуема, некоторое распределение внизу	Умеренный уровень коррупции, она высокоорганизована и предсказуема, мало распределена внизу
Политическая элита нестабильна и раздроблена	Высокий уровень коррупции, она относительно раздроблена и непредсказуема, некоторое распределение внизу	Высокий уровень коррупции, она относительно раздроблена и непредсказуема, мало распределена внизу

Таблица 4

Получатели коррупционных благ

Тип политической системы	Финансовые элиты	Индивиды и группы, имеющие ресурс личных связей	Бюрократы и военные	Партийные лидеры и кадры	Избиратели или посредники избирателей
Бюрократическое, военное государство	Второстепенный получатель	Основной получатель	Основной получатель		
Партийная несоревновательная система	Второстепенный получатель	Второстепенный получатель	Второстепенный получатель	Основной получатель	
Партийная соревновательная система	Второстепенный получатель	Основной получатель	Второстепенный получатель	Основной получатель	Основной получатель

К. Сиссенер в своих работах показывает, что «конвенциональное определение коррупции является слишком узким» и делает чрезмерный акцент на незаконности коррупционных практик. Представления о том, что является коррупцией, различаются в зависимости от культурного и социального контекста. Также необходимо изучать, каким образом сами индивиды оценивают некие социальные практики. Копирование бывшими колониями европейских образцов управления, согласно К. Сиссенер, породило противоречивые конфликтные нормы, вызвало конфликт централизованной логики бюрократической системы и местных традиционных «логик».

К. Бландо и О. де Сардан указывают, что феномен коррупции включает скрытые невидимые практики с большим количеством нормативных нюансов. Здесь неприменимы традиционные социологические инструменты, поскольку велика вероятность искажения информации респондентами: кто-то будет ее скрывать, кто-то – выставлять себя жертвой и т. п., поэтому, по мнению представителей этого подхода, необходима именно антропологическая исследовательская позиция и методы: наблюдение, кейс-стадии, интервью. Классическими примерами исследований, проведенных в таком ключе, являются следующие: исследование А. Гупта коррупционных практик индийских чиновников, позволившее установить, что для индийского общества характерно отсутствие различий между общественным и личным; исследования непальского феномена фаворитизма А. Кондоса, часто относимое к коррупционным практикам; исследование ла Вайна, согласно результатам которого коррупционеры традиционных обществ не испытывают чувства вины в силу восприятия своих действий как нормы. Все эти исследователи говорят о социокультурной логике и практиках повседневной жизни в их неразрывной связи.

К. Сиссенер, в частности, выделяет в качестве специфических логик, обуславливающих коррупционные с точки зрения западной культуры действия, следующие:

- логика дарения, согласно которой мотивом дарения является ощущение индивидом правильности своего поведения (Китай);

- логика сетей солидарности, согласно которой подношения и подарки являются фактором укрепления сетевых связей (исследование социальных практик Бангладеш Барнса);

О. де Сардан исследовал коррупцию в Африке и пришел к выводу, что необходимо реконструировать

деятельность участников коррупционных действий с точки зрения их системы ценностей и культурных кодов, которые позволяют по-иному оценить коррупцию. Он также представляет варианты «логик» поведения, схожих с практиками коррупционного типа, но не являющихся таковыми в контексте данного общества:

- логика договоренностей (в нее, например, входит культурная логика посредничества, существующая благодаря историческому синкретизму доколониальных практик);

- логика дарения (в рамках которой подарок рассматривается как моральный долг);

- логика сплоченной сети (как логика формы многочисленных взаимопричастностей или денежного их эквивалента при отсутствии таковых);

- логика хищнической власти;

- логика перераспределительного накопления (аккумуляции богатства);

Рамки понятия «коррупция», по мнению исследователя, должны быть расширены до понятия «коррупционного комплекса» с целью понимания и интерпретации этих практик, формирования социологического релятивизма.

Третьим направлением изучения коррупционных проявлений является **социокультурный подход**.

В попытках выявить влияние культуры на уровень коррупции в обществе стали использоваться такие модели, которые выявляют характеристики культуры. Это модели, разработанные в рамках кросскультурной психологии (Г. Хофстед, С. Шварц, Г. Триандис, Э. Холл и др.).

Согласно Э. Холлу, в высококонтекстных культурах значительная доля коммуникаций протекает на невербальном уровне. Успех в переговорах зависит от доверия сторон друг другу в большей мере, чем от формальных положений договоров. В низкоконтекстных же культурах люди избегают личного доверия и личных обязательств, опираясь при ведении бизнеса на формальные нормы и правила и отдавая предпочтение краткосрочным сделкам. К первым относят культуры японцев, арабов и населения Средиземноморья, для них дарение подарков – необходимая часть деловых отношений. Ко вторым относят страны европейской культуры, США, которыми такие традиции воспринимаются как полная коррупционность отношений.

Гораздо чаще сейчас используется набор индикаторов культуры Г. Хофстеда (индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, маску-

линность, избегание неопределенности, конфуцианский динамизм). Начиная с 90-х гг. прошлого века исследователи преимущественно использовали показатели Хофстеда при исследованиях коррупции и изучая связь между коррупционными установками и типом культуры.

Измерение «коллективизм-индивидуализм» представляет собой ориентацию личности на коллективистские ценности и степень влияния группы на индивида. Люди коллективистской культуры склонны нарушать формальные правила, если они противоречат традиционным нормам и ценностям.

Под дистанцией власти понимается мера согласия менее обеспеченных статусом и властью людей с неравномерностью распределения власти. В культурах высокой дистанции власти зависимость подчиненных от руководства принимает форму патернализма, когда поддержка осуществляется взамен лояльности. В таких системах активно развивается непотизм как следствие стремления продемонстрировать лояльность – абсолютное условие успеха. В этом случае критичность в отношении коррупционных форм поведения, как руководства, так и собственного, снижается. Таким образом, культуры с высокой дистанцией власти более терпимы к проявлению коррупции.

Измерение «маскулинность-феминность» есть мера ориентации на материальный успех и личные достижения взамен заботы о качестве жизни и построения теплых эмоциональных отношений. Так, например, в исследованиях Б. Хастиды и Р. Гонсалеса-Фабре указано, что готовность к коррупционной сделке объясняется ориентацией на материальное обогащение, то есть маскулиной ориентацией личности.

«Избегание неопределенности» представляет собой тревожность в отношении незнакомой ситуации. Коррупционная сделка в таких случаях рассматривается как вариант снижения неопределенности.

«Динамизм» – долговременная ориентация – является наиболее дифференцированно трактуемым исследователями коррупции измерением. Часть их полагает, что долговременная ориентация должна снижать склонность к коррупции; другая часть, напротив, полагает, что эта переменная не связана с уровнем коррупции.

Так, например, Й. Андвинг доказывает, что высокий уровень коррупции в странах бывшего СССР обусловлен культурными особенностями, сходные позиции отстаивает и С. Фиш в своей

концепции «экономики рэкета», где моральный вакуум и слабость общественных организаций приводят к росту коррупции. Однако эти модели имеют качественный характер и не снабжены математическим описанием.

Следует отметить, что при исследовании российской специфики коррупционных проявлений в их взаимосвязи с культурой необходима доказанность культурной гомогенности российского общества, отсутствие которой существенно снижает ценность таких моделей. В то же время наличие обширного массива достоверных данных о коррупции в разных странах позволяет широко использовать именно этот тип моделей. В частности, данные ИВК убеждают в продуктивности таких моделей: бедность и коррупция, как правило, коррелируют, однако богатство страны не гарантирует низких показателей коррупции. Так, Германия и США имеют почти такие же показатели, как Ирландия, а Италия и Франция оказываются ниже Чили и стран Африки. Также различия по степени коррупционности внутри групп стран со сходными показателями уровня жизни показывают, что во многом ситуация складывается именно под влиянием культурных факторов. Например, в Китае, Тайване и Японии с их этикой честной бюрократии показатели коррупции оказываются ниже, чем в Индии и Пакистане, где такой культурной традиции не имелось. Кроме того, в данную модель представляется необходимым включить такой параметр, как религия: исследования 33 стран Р. Ла Порты показали, что страны с высокоиерархичными религиозными системами (католицизм, православие, ислам) более коррупционны, чем страны с меньшей иерархичностью религии (протестантизм); в дальнейшем эти результаты подтвердились на выборке из 114 государств. Аналогичные результаты были получены на моделях Д. Трейзмана и М. Палдама.

С нашей точки зрения, наиболее продуктивно эта модель использована Б. Хастидом, который, рассчитав корреляционные коэффициенты между показателями коррупции и культурными измерениями Хофстеда, установил, что высокие показатели коррупции характерны для стран с большими дистанциями власти, высоким уровнем коллективизма и маскулинностью: в культурах с высокой маскулинностью информация о фактах коррупции имеет окраску личного достижения и ведет к росту материального статуса, в культурах же с высоким избеганием неопределенности реформы институтов должны проводиться таким образом, чтобы неопределенность ассоциирова-

лась с теневой практикой, а снижение тревожности – с легальными действиями.

Сочетание этих 3 подходов лежит в основе социологического подхода к исследованию проблемы. В рамках разработки социологического подхода возможно построение нескольких моделей коррупционного взаимодействия:

– Классические модели (предполагающие параметры оценки морального состояния общества и использование коррупции как индикатора состояния общественной морали).

– Институциональные модели (предполагающие построение модели коррупции как специфического транзитивного института).

– Функциональные модели (предполагающие выявление функциональных связей и зависимостей, определяющих устойчивость/неустойчивость общественной системы).

– Нормативные модели (предполагающие включение в разряд коррупционных злоупотребления как нормативного, так и ненормативного характера).

– «Экономизированные модели» (модели, использующие экономическую методологию, исключая моральную оценку этих явлений, и предполагающие пути оптимизации социальных действий в условиях ограниченных ресурсов).

Библиографический список

1. Rose-Ackerman S. Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. 1997. Washington, D. C. p. 238.
2. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // Journal of Political Economy. 1975. № 4.
3. Роуз-Аккерман, С. Коррупция и государство [Текст] / С. Роуз-Аккерман. – М.: Логос, 2010.
4. Моделирование коррупции (коллектив авторов в составе: Е. Батраковой, Ю. Красильниковой, Е. Левиной, М. Левина) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indem.ru/corrupt/levin/index.htm>

5. Shleifer A., Vishny R. W. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. V. 107. № 33.

6. Кирпичников, А. Взятка и коррупция в России [Текст] / А. Кирпичников. – СПб., 1997.

7. Математическое моделирование социальных процессов. Выпуск 9 [Текст] : сб. статей / под ред. А. Михайлова. – М.: КДУ, 2007.

8. Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, the imagined state // American Ethnologist. Vol. 22 No 2, pp. 375–402.

9. Scott J. C. Comparative political corruption. Englewood eliffe. New York, 1972.

10. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции [Текст] / сост. и отв. ред. И. Б. Олимпиева, О. В. Паченков. – СПб.: Алетейя, 2007.

Bibliograficheskij spisok

1. Rose-Ackerman S. Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. 1997. Washington, D. C. p. 238.
2. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // Journal of Political Economy. 1975. № 4.
3. Rouz-Akkerman, S. Korruptsiya i gosudarstvo [Tekst] / S. Rouz-Akkerman. – М.: Logos, 2010.
4. Modelirovaniye korruptsii (kollektiv avtorov v sostave: Ye. Batrakovoy, YU. Krasil'nikovoy, Ye. Levinoy, M. Levina) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.indem.ru/corrupt/levin/index.htm>
5. Shleifer A., Vishny R. W. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. V. 107. № 33.
6. Kirpichnikov, A. Vzyatka i korruptsiya v Rossii [Tekst] / A. Kirpichnikov. – SPb., 1997.
7. Matematicheskoye modelirovaniye sotsial'nykh protsessov. Vypusk 9 [Tekst] : sb. statey / pod red. A. Mikhaylova. – М.: KDU, 2007.
8. Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, the imagined state // American Ethnologist. Vol. 22 No 2, pp. 375–402.
9. Scott J. C. Comparative political corruption. Englewood eliffe. New York, 1972.
10. Bor'ba s vetryanyami mel'nitsami? Sotsial'no-anthropologicheskij podkhod k issledovaniyu korruptsii [Tekst] / sost. i отв. red. I. B. Olimpiyeva, O. V. Pachenkov. – SPb.: Aleteyya, 2007.